ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(=352.3)
ББК 82.3(2=Ады)
К 88

Кудаева З.Ж.
Доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, e-mail: zina_777@bk.ru

САКРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ АДЫГСКОГО ЭТИКЕТА – АДЫГЭ ХАБЗЭ (НА МАТЕРИАЛЕ АДЫГСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПРИМЕТ)

(Рецензирована)

Аннотация:
Целью публикации является сопоставление, анализ и выявление мифопоэтических параметров, лежащих в основе адыгских этикетных правил и норм. Исследование осуществляется с применением сопоставительного и структурно-семиотического методов исследования. Материалом для анализа служат тесты адыгских пословиц и примет-правил. В результате предпринятого исследования выявлено, что этикетные правила и установки, а также «суеверные» приметы-правила составляют единое семантическое поле, основные параметры которого отображает мифологическую систему координат, свойственную адыгской этнической традиции. В основе «суеверных» примет-правил и пословиц, воплощающих нравственно-этические установки и нормы этикета (адыгэ хабзэ) лежит сфера сакрального, объективируя и соотнося мифологическую модель мира с повседневностью. Нормы и установки адыгского этикета, воплотившиеся в текстах пословиц, как и «суеверные» приметы-правила содержат имплицитно присутствующие мифопоэтические представления, мифо-ритуальный сценарий, правильное следование которому призвано обеспечить благоприятное протекание человеческой жизни.

Ключевые слова:
Пословицы, приметы, адыгский этикет, мифология, повседневность

Kudaeva Z.Zh.
Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literatures of the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, e-mail: Zina_777@bk.ru

SACRAL FOUNDATIONS OF THE ADYGHE ETIQUETTE - ADYGHE HABZE (BASED ON ADYGHE PROVERBS AND PROVERBIAL SIGNS)

Abstract:
The main objective of this study is to compare, analyze and identify the mythopoetic parameters that underlie the Adyg etiquette rules and norms. The

study is carried out using comparative and structural-semiotic research methods. The material for the analysis are the tests of the Adyg proverbs and proverbial signs-rules. As a result of the research undertaken, it was revealed that etiquette rules and attitudes, as well as "superstitious" signs-rules constitute a single semantic field, the main parameters of which reflect the mythological coordinate system inherent in the Adyg ethnic tradition. At the heart of the «superstitious» signs-rules and proverbs embodying moral and ethical attitudes and norms of etiquette (adyghe habze) is the sphere of the sacred, objectifying and relating the mythological model of the world with everyday life. The norms and attitudes of the Adyg etiquette, embodied in the texts of proverbs, as well as the «superstitious» signs-rules contain implicitly present mythopoetic ideas, the myth-ritual scenario, which should ensure a favorable course of life.

Keywords:

Proverbs, proverbial signs, Adyg etiquette, mythology, everyday life.

Основной задачей данной работы является исследование адыгского фольклора, в частности жанра примет-правил в их сопоставлении с основными нормами и установками адыгского этикета и выявление мифологических представлений, архетипических базовых структур, лежащих в основе этикетных предписаний и норм. Исходным представляется то, что система принципов и норм, структурирующая социальное пространство, сферу повседневного этикетного поведения зиждется на существующей в этническом сознании мифопоэтической модели мира, включающей в себя пространственную систему координат. Она имплицитно присутствует и существует в этнической рационализации мира, конструирует социальную реальность с помощью правил. Специфические черты поведения проявляются наиболее отчетливо в сфере общения, которое, по словам специалистов, шире этикета. «Этикет - двуединый феномен, - писал А.К. Байбурин, - Одной стороной он укоренен и органически связан с моральными нормами и ценностями, другой - проявляется в эмпирически наблюдаемых формах поведения» [1: 22].

Адыгский этикет (*адыгэ хабзэ* – каб.-черк.), представлявший собой стройную систему духовно-нравственных моделей мышления и поведения, моральных, нравственных, этических правил и норм, являвшийся регулятивным механизмом, развивающим и поддерживающим процесс взаимопонимания и равновесия в этническом социуме, отражал в наиболее обобщенном виде этническое мировоззрение. Этикетные предписания, в соответствии с присущими им социорегулятивными функциями, наиболее выразительно объективируются в типе пословиц-правил, регламентирующих предпочтительные, идеальные нормы поведения, принятые в адыгском традиционном обществе. В континууме адыгских пословиц и поговорок выявляются семантико-тематические группы, отображающие: а/ принципы адыгской этики, моральные, нравственные установки и нормы; б/ основные нормы адыгского этикета, регламентирующие принципы и правила взаимного обхождения. Объективируя систему нравственно-этических принципов и норм, пословицы и поговорки, способствовали выработке стереотипов «правильного» поведения, формированию его социально одобряемых форм и выполняли, в связи с этим институциональную функцию, а также функцию социального контроля. *Хьэ джафэ банэркъым, уэркъ хъуанэркъым* – «Гончая не лает, дворянин (уорк) не бранится». *Нэхъыжьым жьантIэр ейщ* – «Жанта [почетное место] – принадлежит старшему». *Нэхъыжьыр гъэлъапIи, уи щхьэр лъапIэ хъунщ* – «Старших почитай – и

сам станешь почитаем». *ЛIыкIуэ яукIыркъым* – «Посланника не убивают». *Уэркъ хабзэр дэгъэзеигъуэ кIыхьщ* – «Уоркский этикет – длинный [крутой] подъем [в гору] (т.е. дворянский этикет настолько сложен и труден, что следование ему подобно длинному, крутому подъему в гору»). *АдыгэлI (уоркъ) хашэркъым* – «Адыгский мужчина (вариант:дворянин) тайны не разглашает» [2].

Наряду с пословицами, формулирующими этикетные правила, в адыгском фольклоре присутствует жанр примет-правил, определяющих и регулирующих предпочтительные формы повседневного бытового поведения. Эти приметы бессознательно ориентированы на сформировавшиеся в древнейший период мифопоэтические представления и служат воплощением сложившихся в рамках архаических форм сознания мифологических, в своей основе, поведенческих стереотипов. Речь идет о наиболее многочисленном типе так называемых суеверных примет, в которых нет отражения хозяйственного опыта, и попросту отсутствует логический смысл (см. например: *Джэду къэбгъафэмэ – уэлбанэ мэхъу* – «Если заставить кошку танцевать – будет гроза». *Къанжэр уи бжэ1упэм къыщык1ак1эмэ, и к1эр здэгъэзамк1э хьэщ1эр къок1, жа1эрт* – «Если у ваших ворот трещит сорока, то оттуда, куда направлен ее хвост – идут гости») [3]. Для этого разряда примет характерна «импровизация причинности» с миропониманием присущим мифологическому сознанию. Для него танцующая кошка - причина грозы, а сторона, куда повернут хвост трещащей у ворот сороки - направление, откуда должны будут прийти гости. Подобные приметы-правила обеспечивают координированность, соотнесенность мифологической модели мира с повседневностью. В них повседневные бытовые действия человека строго регламентированы в соответствие с имплицитно присутствующими мифопоэтическими представлениями. Самым точным выражением этой регламентированности является пословица *Ямыхабзэ къэзыублэм и анэ Щыблэм еук1* – «У того, кто делает (что-то) не принятое по обычаю – Шыбле убивает мать». Присутствующая в примете установка апеллирует к одному из высших мифологических божественных авторитетов – божеству грома и молнии – Шыбле.

Структура примет, как правило, двухчастна: «Если ..., то будет плохо или хорошо». Обе части не подчинены причинно-следственным отношениям в плане обычной логики, каузальность здесь совсем иного рода. Сама алогичность соподчинения одной части другой (танцующая кошка – гроза, хвост сороки – гости) делает очевидным тот факт, что мотивировка и соподчинение частей приметы-правила лежит за пределами текста, в комплексе мифологических представлений, знаками которых она и является. Мотивированность, взаимообусловленность обеих частей приметы-правила внутренняя, глубинная и апеллирована к имплицитно присутствующему мифо-ритуальному сценарию [4].

Универсальная для различных культурных традиций оппозиция верх / низ, как известно, членит мир по вертикали и формирует в сознании индивида представление о предпочтительной, оптимальной пространственной ориентации. Следует отметить, что понимание категорий верх низ в русской и *ипщэ / ищхъэрэ* в адыгской этнокультурных традициях не вполне идентичны. В адыгском сознании семантика верха – *ипщэ* и низа – *ищхъэрэ* осложнена дополнительными смысловыми нагрузками, в частности, *ипщэ*, помимо понятия «верх» содержит еще и смысл «юг, сторона гор, верховий рек» [5]. Представление о предпочтительности, «благодетельности» верха и злокозненности

«низа» прослеживается в приметах-правилах; например: *Ипщэк1э уафэр япэу щыгъуагъуэмэ, гъэр гъэф1 мэхъу, бэв мэхъу, жа1эрт* – «Если первый гром прогремит сверху (со стороны гор), то год будет добрым, урожайным, говорили». *Лъагап1э утету пщ1ыхьэп1эу плъагъумэ, ф1ыщ, жа1эрт* – «Видеть во сне, что ты стоишь на возвышенности, хорошо, говорили». *Псыр къыщибгъахъуэк1э ищхъэрэк1э ебгъэзыхыу къибгъахъуэмэ ф1ыкъым, пэгуныр ипщэк1э гъэзауэ къибгъэхъуэн хуейщ, жа1эрт.* – «Когда набираешь воду, то ведро наклонять вниз по течению нехорошо, нужно наклонять его в сторону верха, говорили», *Пщэдджыжьым пщ1ант1эм зэрыдэк1ыу япэу ипщэк1э плъэн хуейщ, жа1эрт* – «Утром, когда выходишь из дому, нужно сначала посмотреть вверх (т.е. на юг, в сторону гор)».

С противопоставлением верха и низа в адыгском этикете связан целый комплекс представлений и норм. «Ипщэ - пишет Б.Х. Бгажноков, - при всех обстоятельствах, остается наиболее почетной, удачной, счастливой стороной» [6: 23]. В этикете это находило отражение в целом ряде правил: человек, следовавший «сверху», считался более почитаемым, чем тот, который следовал «снизу», поэтому при встрече его следовало приветствовать первым. *Сэламыр ипщэк1э дэхьеин хуейщ* – «Приветствие нужно направлять вверх».

С противопоставлением верха и низа связано и представление о предпочтительном, почетном расположении в пространстве двора, дома, селения и т.п. Феодальная верхушка – князья, владельцы села, уорки-дворяне – всегда селились в верхней части селения: *къуажапщэ* – «верхняя часть селения». В речевой практике сохранилось выражение, обозначающее одновременно низкий статус и презрительно-уничижительную оценку человека, несоответствующего принятым нравственно-этическим, этикетным нормам, или попросту неумного: *къуажэк1э* – «принадлежащий к нижней части селения».

Этими же принципами определялась канонизированность правил застольного этикета, в частности концепция почетного места (*жьант1э* – каб.-черк.). По свидетельству ученых, жанта – глинобитное сиденье у очага, наиболее удаленное от входной двери. Дж. Лонгворт отмечал, что оно «возвышалось над полом на целых три дюйма» [7: 545] и «младшие, удостаивавшиеся чести сидеть с гостем или старшим, устраивались прямо на полу, т.е. в буквальном смысле ниже старших» [8: 41]. *Нэхъыжьым жьант1эр ейщ* – «Старшему принадлежит почетное место», то есть место «вверху». Наиболее уважаемых, старших по возрасту и положению гостей приглашали занять почетное место в жанта со словами: *ипщэк1э фыкъыдыхьэ, ипщэк1э фыкъэув* - «проходите вверх», «становитесь вверху».

С оппозицией верх / низ тесно связана, как одно из ее частных манифестаций противопоставление сидя /стоя. В адыгской этической и этикетной традиции принято вставать, выражая тем самым почтение, уважение перед старшим по возрасту, женщиной, гостем, например: *Л1ы нэмысыф1эр хуарэм тесми ц1ыхубзым хуэтэдж* – «Воспитанный мужчина, даже если под ним чистокровный скакун (т.е. он знатен, богат, знаменит) – перед женщиной привстает на стременах». Связь с противопоставлением верхнего и нижнего в данном случае инверсирована. По-видимому, акт вставания, в основе, предназначен был символизировать принадлежность или отнесенность адресанта, на которого направлялся этот жест – «верхнему» миру.

Оппозиция правый/левый – одна из стержневых в семантике адыгского этикета: правая сторона наиболее почетна, при передвижениях людей правую сторону принято

уступать в знак уважения старшим по возрасту и положению, женщине, гостю. Во время танца-удж девушка должна была находиться справа, при встрече с женщиной следовало разминуться, оставляя за ней правую от себя сторону, мужчину следовало пропустить с левой от себя стороны: *Ц1ыхубзым къамышыр ират, ц1ыхъхъум 1эщэ ират* – «Женщине оставляют плеть, мужчине – кинжал» (Горцы носили оружие слева, а плеть держали в правой руке). Оппозиция правый/левый нашла отражение в правилах застольного этикета: в заключение трапезы на стол подавалась исключительно правая половина головы жертвенного животного, причем, по сведениям С.Х. Мафедзева, расположение этого блюда на столе было строго регламентированно – «нос» должен был «смотреть» мимо правого плеча гостя [9: 171]. Ср.: с приметой-правилом: *Мэл яук1ам и щхьэлъэныкъуэ ижьыр унэм ирахтэкъым, ирахыр сэмэгурт* – «Когда резали барана, то правую половину головы из дома не выносили, выносили левую».

Проксемика пространства внутри дома определялась также символикой правого и левого: очаг у адыгов строился по левую сторону от входной двери и, соответственно, пространство по правую сторону, максимально удаленное от двери, считалось почетным (жьантlэ). Параметрами правого и левого было продиктовано и поведение горевестника. Поведение горевестника, соответственно его функции, было перевернутым, прямо противоположным обычному: горевестник держал плеть в левой руке, с коня спешивался справа, прибыв к месту назначения, останавливался слева от ворот, уходя, разворачивался левым плечом вперед. Аналогичным правилам были подчинены действия при встрече с похоронной процессией: приветствие взмахом левой руки (*щ1ыхьак1уэ сэлам* – «траурное приветствие»), при выражении соболезнования первый шаг делался с левой ноги, отходя, как и горевестник, разворачиваться нужно было левым плечом вперед. Во всех этих действиях наблюдается нарочитая инверсия «правого» и «левого», что призвано было подчеркнуть связь с «иным» миром.

Спереди/сзади; лицом/спиной. Эта оппозиция включает в себя также противопоставление налицо/наизнанку. В адыгской мифоэпической традиции положение «лицом» по шкале «благоприятности – не благоприятности» оказывалось предпочтительней, нежели «спиной» и, соответственно, прогнозировало правильное протекание будничной жизни. Например: *Ерыскъы зытелъ 1энэм уи щ1ыб хуэбгъэзэну ф1ыкъым жа1эрт* – «К накрытому столу спиной не поворачиваются». *1э щ1ыбк1э псы къыбгъэхъуэну ф1ыкъым, жа1эрт* – «Через тыльную сторону ладони воду зачерпывать нехорошо, говорили». *Сабийр къыщалъхуам деж бгъук1э т1ылъа хъумэ куэдрэ псэунукъым, и гущ1ы1у ц1ык1ур дэгъэзеяуэ щылъмэ куэдрэ псэунущ, жа1эрт* – «Если новорожденный ребенок оказался лежащим на животе – он долго не проживет, если же он лежит грудкой вверх (т.е. на спине) – будет жить долго, говорили».

Согласно правилам адыгского этикета, положение «впереди» в определенных ситуациях, считалось более предпочтительным и почетным. Например: «В тех случаях когда (идущих) мужчин было четверо, то впереди шли трое старших, а самый младший находился сзади; если пятеро – трое старших впереди, а двое – за ними, соблюдая хабзэ, то есть, из этих двух старший – справа, младший – слева» [10: .46]. В этой оппозиции (спереди-сзади), применительно к адыгскому этикету, множество семантически значимых элементов, которые были символами, знаками различных реальных ситуаций. Например, расположение внутри группы людей

мужской ее части и женской зависело от того, по какому поводу и куда они направлялись. В том случае, если во главе процессии (впереди) следовали женщины, то это означало, что группа направляется по случаю тяжелой болезни, на поминки, похороны. Если же процессию возглавляли мужчины (впереди), а женщины следовали сзади, то это означало следование по радостному поводу: свадьба и т.п. В соответствии с этим встречные определяли для себя выбор стандартов поведения: приветствия и т.д.

С оппозицией спереди/сзади тесно связано (как один из ее вариантов), противопоставление лицом/спиной, охватывающее широкий спектр различных воплощений. Например к старшим по возрасту, уважаемым людям нельзя поворачиваться спиной; выходить из помещения в этом случае, следовало пятясь. Вне помещения нужно было отступить, не поворачиваясь спиной, на несколько шагов назад и лишь затем поворачиваться в нужном направлении. В присутствии женщины, необходимо было держаться так, чтобы оставаться к ней правой стороной. Гость, покидающий жилище, прежде чем сесть на коня, разворачивал его головой к дому («лицом»), отъезжая должен был развернуться влево. В противном случае, это означало либо полное отсутствие воспитанности в духе адыгэ хабзэ, либо выражением недовольства хозяином-бысымом. В свою очередь, хозяин, провожающий гостя, должен был стоять к нему лицом, пока гость не удалится за пределы видимости. Таким образом, противопоставление лицом/спиной в этикете соответствовало по шкале благоприятности - не благоприятности с рекомендуемыми приметами-правилами, нормами оптимального повседневного поведения.

Таким образом, этикетные правила и нормы проксемически значимого поведения представляют как бы единое семантическое поле, разграниченное по признаку «положительного – отрицательного» и, как явствует из вышеизложенного, последовательно соответствуют правилам и нормам повседневного бытового поведения, ориентированного на архетипическую пространственную систему координат. Это, в свою очередь, позволяет утверждать, что глубинная мотивировка правил и норм адыгэ хабзэ лежит в сфере сакрального, в мифоритуальном сценарии, правильное проигрывание которого призвано обеспечить благоприятное протекание жизни.

Примечания:

1. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета // Этикет у народов Передней Азии. М.: Наука, 1998. С. 22-28.

2. Адыгэ псэлъэжьхэр: в 2 т. / зыхуэзыхьэсэр А. ГъукIэмыхъурэ, З. Къардэнгъущ I. Налшык: Къэб.-Балък. тх. тедз., 1965. Т. 1. 200 с.; Т. 2. 1967. 202 с. = Адыгские пословицы / сост. А. Гукемух, З. Кардангушев.

3. Там же.

4. Кудаева З.Ж., Мусукаева А.Х. Жанровые признаки и функциональные особенности адыгских примет // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 2-2 (46). С. 165-168.

5. Кудаева З.Ж. Символика Центра в мифопоэтических воззрениях адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 84-89.

6. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.

7. Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 531-584.

8. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.

9. Мафедзев С.Х. Адыги. Обычаи, традиции. Нальчик: Эль-фа, 2000. 360 с.

10. Там же.

References:

1. Bayburin A.K. On the ethnographic study of etiquette // Etiquette of the peoples of Asia Minor. – M.: Nauka, 1998. P. 22-28.

2. Adyghe proverbs: in 2 vol. / comp. by A. Gukemukh, Z. Kardangushev. – Nalchik: Kab.-Balk. Publishing house, 1965. – Vol. 1. – 200 pp.; 1967. – Vol. 2. – 202 pp.

3. Ibid.

4. Kudaeva Z.Zh., Musukaeva A.Kh. Genre features and functional features of the Adyghe signs // News of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS. 2012. No. 2-2 (46). P. 165-168.

5. Kudaeva Z.Zh. Center symbolics in mythic/poetic views of the Adyghes // Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 2: Philology and the Arts. 2012. No. 2. P. 84-89.

6. Bgazhnokov B.Kh. Essays on the ethnography of the Adyghes' communication. – Nalchik: Elbrus, 1983. 232 pp.

7. Longworth J.A. A year among the Circassians // Adyghes, Balkarians and Karachais in the news of European authors of the 13th – 19th centuries. – Nalchik: Elbrus, 1974. P. 531-584.

8. Bgazhnokov B.Kh. Essays on the ethnography of the Adyghes' communication. – Nalchik: Elbrus, 1983. 232 pp.

9. Mafedzev S.Kh. Adyghes. Customs and traditions. – Nalchik: El-fa, 2000. – 360 pp.

10. Ibid.